

ЮЛИЯ МЯГКОВА

Солнце идет
за нами

Юлия Мягкова

Солнце идёт за нами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72694855

SelfPub; 2025

Аннотация

Из сохранившихся воспоминаний прошлых поколений одной семьи рождается роман «Солнце идет за нами». Его герои – это люди, жившие трудом, прошедшие через любовь и потери, веру и сомнения, преодолевшие горе и боль, оставив после себя свет следующим поколениям. Тяжелым историческим событиям не удалось погасить человеческое тепло их сердец. Солнце их души продолжает светить потомкам и сегодня. Ведь даже после самой темной ночи над землей все равно всходит общее для всех солнце.

Содержание

От автора	4
Часть первая. Простые люди. Глава 1. Мерная икона	7
Глава 2. Курт на полатях	14
Глава 3. Не поминай чёрта	26
Глава 4. Печь	32
Глава 5. Анна	38
Глава 6. А шинель-то тятина	44
Глава 7. Никифорова церковь	57
Часть вторая. Огненный столб. Глава 1. Мусульманин	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юлия Мягкова

Солнце идёт за нами

От автора

*Вопреки тьме, которая ходит за каждым из нас,
мы должны оставаться людьми,
дарить этому миру добро.
Тогда каждый из нас подарит этому миру Солнце.*

В романе «Солнце идёт за нами» изображается жизнь четырёх поколений семей Семёновых, Лежневых и Мягковых; на долю первых двух поколений, как и на долю всего русского народа, выпали испытания в годы гражданской и Великой Отечественной Войны. Они жили в маленьких уральских городках и сёлах, работали на заводах и шахтах, добывали руду и плавили чугун, прокатывали железо, занимались хозяйством, влюблялись и теряли свою любовь навсегда. А также писали письма и заметки, рассказы и сказки, вели дневники, подписывали старинные фотографии, – всё это и позволило написать роман об их непростых судьбах и жизни, такой непредсказуемой, страшной и сладкой одновременно...

События, изображённые в произведении, основаны на до-

стоверных фактах.

Я посчитала ненужным изменять имена и фамилии героев, так как роман носит биографический характер. Исключение – глава «Друг детства»: рассказ, услышанный от деда, частично стёрся из памяти, и пришлось самим домысливать историю и подбирать фамилии персонажей.

По крупицам, по маленьким чёрточкам воссоздавались картины из жизни предков.

Затем потянулись нити от прошлого к настоящему. Я с большим интересом узнавала о детстве и юности родителей, и передо мной промелькнула эпоха 60х – 70х годов.

Кто же герои этого произведения?

Старшие, дед Василий и Таисья, тяжело переживают разрушение Белой церкви, с которой была связана вся жизнь маленького городка. Сохранится ли вторая, красная, построенная позднее? Кого и зачем они прятали на полатах под потолком?

А затем разразилась Великая Отечественная война. Кто из детей Василия и Таисьи отправится на фронт? Кто выживет? За что знахарь отравит сулеймой вернувшуюся с войны Марию?

Что переживёт Алексей Лежнев в местечке под названием Рур? Его брат Василий на фронте получит необходимое или всё – таки обидное прозвище Егорий Храбрый. Встретится с женой Серафимой в эшелоне, везущем демобилизованных солдат и офицеров домой, а потом они вынуждены будут уехать

из ставшего чужим села.

Будет ли их мирная жизнь счастливой? Как сложится судьба их потомков?

Кому придётся быть ликвидатором последствий на Чернобыльской АЭС?

И что он об этом расскажет? Люди разлетаются как пушинки одуванчика, а потом находятся, семьи воссоединяются. А кто – то не сможет забыть прекрасную цыганку – и так останется холостым всю жизнь. Много в этом романе и слёз, и горя, и радости, и приключений, и мистики... всего много, но всё до последнего слова имело место быть!

Почему же роман получил такое заглавие?

Люди двадцатого века вынесли на своих плечах невыносимое бремя революций, войн, конфликтов, катастроф, но не сломались, окрепли и «воскресли» в последующих поколениях к новой жизни. И для поколений, ушедших в историю, и для нас, живущих здесь и сейчас, и для наших потомков будет светить одно для всех Солнце.

В своём произведении хотела бы донести мысль о том, что люди, самые простые и обычные, живут на земле не зря, оставляя после себя плоды своего труда, свой опыт, которые понадобятся новым поколениям. И пусть совершенствуется и развивается жизнь, но то, что накоплено старшими, всегда будет помогать юным в движении вперёд.

Часть первая. Простые люди. Глава 1. Мерная икона

Не прошло и трёх дней после родов, а Таисья уже встала с кровати и, подойдя к голландской печке, начала одеваться. Коричневая сатиновая юбка, сильно присборенная у талии, ситцевая блузка с баской придали некоторую объёмность её маленькой, худенькой фигурке. Подумав, она достала из сундука с приданным елисеевский цветастый платок и новую чёрную душегрею. Осмотрев себя, остановилась в проёме дверей.

– Поднялась уже? Лежала бы ещё, – уронил Василий дрова возле большой русской печи, занимавшей добрую часть их кухни.

– А нарядилась – то зачем? – удивился он, оглядев её праздничную одежду.

– В Касли поеду, с соседями ещё с вечера уговорилась.

– Да ты что, Таюшка, до Каслей 40 вёрст, грудницу ещё схватишь, али хуже того сляжешь. Куда я один с детьми – то?

– Да ведь тепло на дворе-то, Вася. Апрель холодный в этом году выдался. Зима, та злая была, зато весна спорая. Снег давно стоял, вон посмотри-ка солнышко вовсю светит. А небо-то, голубое-голубое, и ни единого облачка на нём нет.

Красота!

И впрямь солнце ярко вспыхнуло в окнах, обращённых на восток, и легло широкими тёплыми полосами на пол.

– Да говори, Таисья, не тяни. Чего тебе понадобилось в Каслях-то?

– В церковь поеду. В Вознесенскую али Николаевскую. Икону хочу заказать. Мерную. А то в Красном углу только Спас с Богородицей. С венчания в киот ни одной иконы не прислоняли.

– До сорока дней ладно ли Мерную заказывать? – подала голос с печки Устинья, мать Василия. Таисья ничего не ответила, а про себя подумала:

– Обязательно закажу для Антипушки икону.

Василий всегда слушался жену – и немудрено! Девкой за него, вдового с ребенком, пошла, а женихов холостых мало ли! Да и дом – каменуха на окраине Большого Уфалея незавидный. Приехала издалека его мать, солдатская вдова, с двумя сыновьями: старшим Гришей и с ним, Васей. Построили избу из гладких плоских камней. Помнит он, Василий, как замешивал глину с песком, топтал, мял вязкую жижу, как спали в бане, и мать, опасаясь банника, шептала:

– Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария. – А потом вздыхала, – Господи помилуй, где бы тёсу-то достать?..

Брезговали девки выходить замуж в Шуранский Конец, улицу-то одна беднота заселила.

Поэтому и в этот раз, хоть и против поездки был, а усту-

пил, пререкались тоже некогда было – нужно на завод идти, а работой на домне он очень дорожил.

С отцом Таисьи, Козыревым Антипом Никифоровичем, трудились вместе. Здесь Василий и увидел в первый раз будущую жену, невысокую, с большими серыми глазами в простой бумазейной блузке и тёмной миткалевой юбке, – она принесла родителю узелок с нехитрым обедом. И ведь пришёлся он по душе девушке. Со свойственной ей прямоотой спросила у отца, как зовут кудрявого парня и не женат ли он случаем.

Антипу Никифоровичу хоть и не по душе было дочь за вдового отдавать, а перечить не стал: парень непьющий и работающий, да и хорош собою.

***

Работа в этот день валилась из рук: всё время он думал о своей Таисье – не застудилась бы, думал и об Антипушке – обихожен ли, накормлен, ведь оставил ребёнка на старую да малую.

Отчего-то вспомнилась мать, молодая, красивая, из того другого, далёкого мира, который он помнит смутно, отрывисто: вот она полощет сильными полными руками белые рубахи, разноцветные брызги летят во все стороны и на него, забравшегося в большую бельевую корзину. Мать напевает какую-то песню, слова которой исчезли из его памяти, рас-

таяли вместе с теми далёкими картинами, ставшими почти видениями. Из них выплывает ещё одна: мать высоко поднимает его и подсаживает себе на закорки, и он видит неясные очертания противоположного берега, солнечные блики на гребнях небольших волн. Гришаня говорит, что та река называлась Волгой, и рассказывает, как однажды они с отцом в заводи около берега вытащили огромную, чуть не в сажень величиной, зелёную, всю в палевых пятнах, поросшую мхом щуку. Вася же запомнил только, что у папани были колючие жёлтые усы и что он всегда приносил пахнущие махоркой необыкновенно вкусные пряники.

На вопросы об отце мать не отвечала, только морщина на лбу становилась заметнее, не разглаживалась складка даже тогда, когда она улыбалась, глядя на ребятишек, приходивших к ней обучаться грамоте. Воспоминания также быстро растаяли, как внезапно нахлынули на него.

Наконец-то трудовой день закончился, и рабочих распустили по домам. Василий очень торопился, почти бежал. Он миновал Большую улицу, Базарную, впереди – сырая болотистая низина, поросшая чахлым кустарником. Несколько раз он оступился с тропинки, протоптанной такими же работягами, как он. В сапогах захлюпала вода, но Василий почти не чувствовал этого. Быстрее домой. От напряжения кровь стучала в висках.

Таисьи всё ещё не было дома. Любушка, качавшая деревянную люльку, при виде отца заревела в голос:

– Маманьки-то нет ещё. Я свечу перед Николаем Чудотворцем зажгла, мне бабуля велела, а свечечка-то плачет.

Капельки воска и вправду стекали тоненькой ниточкой по одной стороне подсвечника.

– Ой, не надо бы отпускать, – тревога липкой рукой схватила за сердце, сдавила горло.

Он сел за большой, потемневший от времени стол, нехотя похлебал вчерашних щей – бабка Устинья уже не стряпала обеда – и пошёл за растопкой.

Вдруг во дворе послышался громкий стук – упала палка, запиравшая ворота, и раздался необыкновенно оживлённый голос Таисьи:

– Стучу, стучу – никто дверей не отпирает, никто встречать не выходит, а я новостей привезла воз и маленькую тележку.

Лицо её покраснелось то ли от возбуждения, то ли обветрило, а губы непроизвольно приняли форму буквы «ижица»:

– Антипушка-то спит, сердешный?

– Да, накормили, напоили, пока мать-то по Каслям бежала, – проворчала Устинья.

– Плакал поди, родненький?

– Орал, орал, еле успокоили. Пришлось венчальным платьем накрывать, чтобы не надсадился.

– Сейчас накормлю, солнышко моё голубоглазенькое.

Переодевшись, Таисья начала рассказывать новости, услышанные в Каслях.

– Икону-то заказала? – перебила её Устинья.

– Напишут. Заказала в Вознесенской церкви.

В окладе, под стеклом, с позолотой. В центре лик святого Антипа, а по бокам – образы Ангела-хранителя, Святого Василия, Таисьи, Любви. Хорошо там пишут, со всей душой своё старание вкладывают. Известное дело, настоящие мастера. Такая благодать исходит на нас от их работы.

– А денег сколько за труды-то взяли? – робея, спросил Василий.

– Три с полтиной, – ответила Таисья.

– Ну, не дороже денег, – ободрился муж и уже увереннее продолжал, – мне оклад добавили, буду получать теперь 30 рублей.

– Вот и ладно, – обрадовалась Устинья, – накопим немного и лошадь купим.

– Лошадь-то 70 рублей стоит, но ничего, обзаведёмся по-маленьку хозяйством, – добродушно проговорил Василий.

– А мне, – засмеялась Таисья, – очень хочется кожаные ботиночки с резинками по бокам, а может, даже и со шнурками. Ну не об этом я хотела разговор завести. До нашего-то медвежьего угла долго новости доходят. А вот что в столице-то, в Петербурге, ещё зимой, 9 января случилось. Рабочие вышли к царю с прошениями, с ними и священник, говорят, был, отец Георгий. Бумагу составили о том, чтобы простым людям вольготнее жилось, получше, а казаки разогнали их, кого подавили, кого шашками изрубили. Попа тоже не пожа-

лели, в руку ранили. Сказывают, Бог помог, спасся он.

– Страсти-то какие! То-то я на днях крёстный ход во сне видела... к войне, – задумчиво произнесла Устинья.

Шёл 1905 год. Не пришлось больше семье Семёновых икон заказывать. Эти-то в дальний угол в лихие времена прятать приходилось.

Глава 2. Курт на полатях

На Урале весна обычно бывает затяжной, холодной, с оттепелями и неожиданными заморозками, с пронизывающими ветрами, а в иной год в марте ещё на санях ездят.

В 1911 году апрель выдался тёплым на редкость – молодухи наряжались в плисовые парочки, ситцевые платья с прилегающим лифом; девушки победнее надевали синие домотканые косоклинные сарафаны, бабушкины пестрядинники и набивальники, парни сменили валенки на галоши и сапоги. Старухи, наоборот, кутались в кацавеи и, качая головами, говорили, что не к добру на Пасху такая теплынь и что перед последним временем будут два лета да две зимы. С завалинок только и слышались разговоры о том, что снег-то ещё на Алексея сошёл, а Чемпалиха гордо рассказывала всем соседushкам, что в заводе градусник позавчера показывал двадцать градусов тепла.

***

Семёновы решали, кому идти на Пасхальную службу. Устинья, чувствуя, что слабеет с каждым днём, хотела причаститься; Таисья, после смерти первенца Гришеньки, исто-во молившаяся о здоровье детей, не могла не поставить све-

чи за их здоровье в главный церковный праздник. Любушка, хоть и не доросла ещё до невестиных годов, а туда же – хотела себя показать да к парням присмотреться. Где же хорошего приглядеть, как не в церкви. И Василий, понимая, что детей одних дома оставить нельзя, предложил ехать всем вместе, благо недавно Серко купили – уж очень хотелось ему конём похвастаться перед мужичками, с которыми вместе работал в заводе.

Спасо-Преображенский храм (или Белая церковь, как называли его в народе) находился далеко от Шуранки, на предзаводской площади. Свято-Троицкий же по Базарной улице тогда ещё достраивали, к нему было бы поближе ехать.

Василий, боясь, что телега увязнет в болотной грязи, направился в объезд, и дорога заняла около часа. Ехали неспешно по ухабам мимо низеньких неказистых изб и длинных серых заборах. Их унылый вид болью отзывался в сердце. По пути подсадили ссыльную с Шанхая.

– Вы далёко?

– В церковь.

– А для меня не найдётся ли местечко?

– Садись.

За разговорами чуть не опоздали к началу службы.

Перед свечным ящиком в церкви толпилось множество народа. Василий тоже взял для своих по свечке и пробрался к ним. Катенька спокойно спала на руках матери. Трёхлетний Сашенька, очень терпеливый и серьёзный ребёнок, –

может оттого, что родился в Казанскую – вёл себя по-обычному тихо: потрогал рукой стену, окрашенную голубой краской, потом поводил пальчиком по орнаменту, внимательно осмотрел картину «Явление Христа народу», поднял голову и во все глаза вперился в изображение Спасителя в главном куполе храма и застыл так надолго. Шестилетний Антип начал потихоньку уросить, дёргать мать за полу юбки, и даже обещание дать ему самое красное яичко не могла его успокоить, пришлось Василию взять его на руки, но, даже удобно устроившись на плече отца, Антипушка продолжал хныкать, что ему душно и что он хочет кулича.

Служба тем временем шла своим чередом. Голос отца Александра, то возвышаясь, то переходя в ровный речитатив, раздавался в храме, отзываясь в душах прихожан. Подхватив стихиру «Воскресение Твое, Христе Спасе», клир и народ крестным ходом неторопливо пошли вокруг церкви.

Антип уснул у Василия на груди, Сашенька же крепко держал свечку в одной руке, другой прикрывал её пламя от сквозняка. Беленькие его кудряшки в лунном свете отливали серебром. Широко расставленные голубые, казавшиеся прозрачными глаза смотрели в небо сосредоточенно и отрешённо. Казалось, он видит что-то недоступное грешным людям. «Тяжёлая жизнь у тебя будет, ангельчик мой», – отчего-то подумалось Таисье, и, как оказалось, материнское сердце не ошиблось.

Возвращались домой под утро – дети спали на сене, заботливо укрытые дерюжкой. Устинья негромко переговаривалась со снохою:

– Ссылную-то надо было подвезти. Как она в такую даль одна пойдёт?

– Да разве в такой толпе разыщешь кого, да и забыла я о ней.

– Так-то оно так, а всё-таки неудобно. А у меня помягчело в груди-то, может, ещё поживу сколь-нибудь.

– Надо бы ещё вам, маманя, пожить: за детишками до-смотр, да и копеечка ваша не лишняя.

Устинья мастерицей была: знала грамоту и учила тех ребятишек, чьи родители не могли отдать своих детей в школу. За труды люди делились с ней, чем могли.

– Ночь-то какая тягучая, как патока, хоть режь на куски да ешь, – продолжала Устинья. – Хоть и трудная моя жизнь, а помирать не хочется.

Так незаметно подъехали к дому. Василий взял вед-ро и пошёл распрягать Серко. Таисья стала накрывать на стол: поставила большое берестяное лукошко с крашенными луковой шелухой яйцами, творожную пасху разрежала на несколько частей. Будет чем завтра приветить ребятишек! От кулича с изюмом отщипнула кусочек – удалась выпечка на славу.

Устинья, закончив читать молитвы по святому причащению, разбудила ребятишек разговляться.

Едва умывшись из бадьи с водой, стоявшей в маленьких сенцах, дети сели за стол и замерли в ожидании гостинцев.

– Ну, кто первым будет счастья пытаться? – спросил слегка захмелевший от первой рюмки Василий. Он стал показывать на разноцветные кулёчки, расставленные на полу у печки. Антип, поторопившись или пожадничав, промахнулся, но закричал:

– Я вон тот, синенький, затронул.

– Не задел, – обрадовалась Любушка, хлопая в ладоши, – теперь моя очередь.

Антипушка со слезами на глазах кинулся с кулаками на сестрицу.

В это время вдалеке слышались редкие выстрелы. Шум и крики постепенно приближались к их улице.

– Кто-то стучится в задние ворота, – полуутвердительно-полувопросительно произнёс Василий.

Таисья и Устинья переглянулись. Дети же, ни на что не обращая внимания, открывали свои свёрточки. Антип, перемазанный сладостями, самозабвенно дул в ярко-раскрашенную сопелку. Люба примеряла бусы из стекларуса, а Санечка заморожено смотрел на цветные карандаши в деревянной коробочке. Родители, чтобы устроить ребятишкам праздник, не поскупились на подарки.

– Пойду, посмотрю, а то не дай Бог запалят, – прошептала

Устинья и отправилась во двор.

Через минуту она вернулась с мужчиной лет 35-ти, худощавым, черноволосым, без кепки, одетым по-городскому. Одной рукой он зажимал бедро. Мужчина поздоровался, сказал, что его зовут Куртом, на вопросительные взгляды ответил, что он не раненый, просто зацепился за гвоздь, пролезая в их огород.

В этот момент ворота содрогнулись от множества стучавших кулаков.

– Облава, открывайте, не то разнесём всё тут к чёртовой матери.

Мужчина умоляюще переводил взгляд с Таисьи на Василия. Устинья решила первой.

– Лезь на полати, разбойник, спрячем, чего уж. Грех великий сегодня человеку не помочь.

– Куда лезть? – не понял незнакомец, оглядев комнату, в которой стояли печь, стол да два сундука.

– Дура, залезай быстрее на печь, а оттуда ползи через дырку на нары деревянные, они под всем потолком тянутся, дети там обычно спят.

Только незванный гость замер под потолком, как в дом ворвались жандармы. Молоденький, но уже дородный солдатик, захлёбываясь и брызгая слюной, кричал:

– Точно в этот дом социалист забежал, я сам видел, как он в «ихний» огород через забор сиганул.

Вахмистр зычным голосом приказал начать обыск и что-

бы все молчали. Таисья побелевшими губами шептала извечное: «...Благодатная Мария, Господь с тобою...». В это время остатки сена были нещадно сброшены с сеновала, перетрясены и втоптаны в грязь двора. В хлеву солдаты перепугали всю скотину, раздавая удары нагайкой направо и налево. Лаечка Дружок, пытавшийся защитить хозяйское добро, был без сожаления застрелен (С тех самых пор и не держали Семёновы никогда собак). Ладно, стельную Зорьку, жалобно мычавшую, не тронули, вахмистр даже похлопал по её округлому заду.

– В бане пусто и в колодце никого нет, – то и дело слышались голоса.

– В погребе только бочка с мочёными огурцами стоит, – смачно хрустя, рапортовали снизу два солдатика.

– Ну всё, идём в избу, – громогласно приказал вахмистр. Зайдя в дом, он обратился к молодому жандарму:

– Значит, ты видел, что социалист в этот огород прыгнул? Ну и где он по-твоему? Уж не в печке ли?

И к Василию:

– Ну, нищее отребье, куда его спрятал? Отвечать, сукин сын!

Таисья стояла ни жива ни мертва, опустив глаза в пол, и вдруг, Господи помилуй, заметила на полу капли крови. Медленно она повернулась к столу, взяла большой нож и, стараясь не дрогнуть спиной, быстро провела острым, как бритва, лезвием по пальцу, секундой позже она уже заматы-

вала не глубокую рану тряпкой. В это время кровь, смешанную с грязью от сапог, увидел и молодой востроглазый солдат:

– Кровь, ваше благородие, как есть кровь. Вы, когда стреляли, наверное, ранили подлеца.

– Откуда кровь? Ну, живо говорите! – разъярился жан-дарм.

– Что вы, что вы, господин офицер, – льстилась Таисья, – это я, косорукая, сегодня пальчик порезала, – и она поднесла руку почти к самому носу вахмистра. Отмахнувшись, он сел на табурет и подозвал младшего Сашу:

– Эй, белобрысый, подь сюда.

– Чего, дяденька?

– Малец, тебя как зовут?

– Александром, – чётко выговаривая все звуки, ответил тот.

– Саня, значит. Вы в церкви сегодня были?

– Были, дяденька.

– А на иконе кто у вас нарисован?

– Написан? Боженька.

– А кто перед образами врёт, что с ними бывает?

– Ой, их черти на угольях жарят.

– Молодец, сынок, вот ты мне и скажи правду: был ли у вас кто чужой сегодня и где спрятался?

У Устиньи занялся дух, горло перехватило так, что она не в силах была прошептать молитву, только одна мысль би-

лась в голове: «Сама впустила разбойника, сама своими рученьками младшего сыночка Васеньку на каторгу отправила, внучат осиротила».

– Нет, никаких чужих не было, – не задумываясь, ответил Саша, прямо глядя своими наивными глазами на офицера. – Мы только-только из церкви приехали – яички кушаем.

– Побожись.

– Истинный крест, – удивлённо перекрестился ребёнок.

– Разговейтесь и вы с нами, – запричитала Устинья, наливая полную рюмку водки.

В это время в окно громко закричали:

– Господин унтер, социалисты, говорят, в Шанхай побежали, к ссыльным в бараки.

– Некогда мне с вами пить! – вахмистр вскочил с табурета и собрался уходить.

Но тут Антип, обиженный невниманием к себе, запрыгал и, путаясь в ногах жандарма, запел:

– Кур на полатях, кур на полатях!

Устинья медленно опустила на сундук: «Богородица, спаси и помилуй». Но вахмистр, видимо, понял картавую речь мальчика по-своему.

– Я тебе покажу кур, щенок!

Таисья, стоявшая рядом с ребёнком, успела закрыть его своим телом от удара нагайкой. Удар был не самый сильный, без размаха, но повалил Таисью. А на белой праздничной кофте выступила красная полоса.

– Что вы делаете, изверги? – бросился Василий на вахмистра. – Я буду жаловаться, я честный рабочий, ни разу ни в чём не замечен, а вы мою жену бьёте!

– Да пошли вы все к известной матери! – злобно сплюнул жандарм и быстро вышел на улицу.

После того, как всё стихло, Василий вышел во двор и хлопнул ворота. Устинья схватилась за грудь, Таисья – за ремень, но тут Курт выполз с полатей, спрыгнул с печи и, сев на корточки перед Сашей, спросил:

– Ну-с, и почему вы меня не выдали, молодой человек?

– А вы откуда здесь? – удивился малыш. – Я вас не видел, я ангелов рисовал, мне Боженька на Пасху карандашики подарил.

И Сашенька показал листочек, на котором был изображён голубой человечек с крылышками.

– Я его сегодня в церкви видел – он около людей летал.

– Ну ладно, садись за стол. Чего уж там – пригласила Устинья беглеца, – рассказывай кто таков!

– Вы, я вижу, люди простые, небогатые. Жить у вас трудное, а мы хотим, чтобы таким, как вы, легче жилось. За это нас и преследует охранка. Мы тогда будем силой, если нас больше станет. Вы поймите, что объединяться, спланиваться, чтобы за свои права вступить. Верно я говорю? – и он внимательно посмотрел на Василия.

Много ещё мог рассказать Курт, но был осторожен. Кто его знает, что за люди? Не сказал он, что состоит с 1907 года

в РСДРП и что в городе их не так уж и мало.

И действительно, в то время Уфалейско-Кыштымская организация была одной из самых крупных на Урале, которая объединяла более пятисот человек из малых городов и ближайших к ним сёл.

После его ухода Василий долго молчал, потом погладил своего любимца Сашеньку по голове и сказал Таисье, выжидающе смотревшей на него:

– Может, он правильно говорил, а только боязно мне за вас. Как вы будете жить без меня, если какой случай подойдёт?

Таисья облегчённо вздохнула, радуясь, что её супруг от природы рассудительный и робкий: с таким-то спокойнее жить. Василий не больно-то всяких смутьянов слушает, всё об ней, об Таисье думает.

Устинья вышла на крыльцо, долго-долго смотрела на восход солнца, потом тяжело поднялась со ступеньки, вошла в дом и вдруг упала на руки Василию. Её осторожно положили на кровать. Очнулась она только к вечеру и подозвала сына и сноху:

– Вы обо мне не плачьте. Там всё хорошо устроено: домик беленький на горе, а под горой речка, в ней лебеди белые плавают. Александр, муж мой, молодой, такой, каким его на Турецкую в 1877 году провожала под барабаны, и я, молодая, красивая, и пионов там целое поле. Не растут на Урале эти цветы, а у нас на Волге тьма-тьмушая. Бывало, Александр

целые охапки дарил.

Рука её свесилась с кровати, разжалась, и из ладони выпал давно засохший лепесток густого красного цвета с просинью. Сколько лет берегла Устинья его?

Глава 3. Не поминай чёрта

Управившись со скотиной, Таисья позвала детишек домой. Она поставила на стол горячую картошку и усадила ребят.

– Поешьте да спать ложитесь, а я вам сказку расскажу. Новую!

Дети обрадовались и, затаив дыхание, приготовились слушать.

– В одной семье было три сына, – начала неторопливо Таисья. – Жили они очень бедно, и решил старший наняться на работу к черту. Заключение они между собой договор, что добрый молодец будет у него работать до тех пор, пока кто-нибудь из них не выскажет недовольство. Если черт будет чем-то недоволен, то отдаст крестьянскому сыну мешок серебра, а если тому что-то не понравится, тогда нечистый вырежет со спины у него ремень. Послал черт его пасти овец, а еду пообещал в поле привезти. Вот пасет овечек, солнце печет, ветер песком рот забивает, пить хочется нестерпимо и есть тоже. А черта нет и нет. Пригнал работник овец, а черт сидит и за обе щеки уплетает всякие яства.

– Всем ли ты доволен, человече?

– Ну что оставалось крестьянскому сыну, как только согласиться, что он всем доволен. Через неделю старший брат не выдержал голода и жажды и высказал свое недовольство. Обрадовался черт и вырезал у него со спины кусок кожи.

Средний сын подумал: «Экий ты брат неловкий, я – то уж добуду мешок серебра», – и пошел наниматься к черту в услужение. Но нечистый опять поставил те же условия:

– Если ты чем-то не доволен будешь, то я у тебя кусок кожи вырежу, ну а если я, то тебе мешок золота заплачу.

Вот пошел средний брат пасти коров, а черт обед в поле пообещал привезти. Солнце палит, сухой обвеваает, жажда томит и голод мучает. Пригнал коров крестьянский сын и видит, что у черта щеки от масла да сметаны лоснятся.

– Всем ли ты доволен, человек? – спрашивает его.

– Всем – всем я доволен, – отвечает молодец нечистому.

Так прошло две недели. Не выдержал средний брат и высказал свое недовольство. Тогда лукавый вырезал у него кожу со спины и говорит:

– Вы ко мне Ваньку присылайте, уж младший-то не умнее вас будет.

Как узнал Иван о том, что и средний брат пострадал, захотел отомстить черту, пришел к нему и согласился на те же условия. Отправился Иван пасти лошадиный табун. Черта с водой и едой нет и в помине. Недолго думая зарезал Иван са-

мого лучшего коня, нажарил мяса, поел, напился из родника и спит себе до вечера, на табун и не взглянет. Как стемнело, пригнал младший сын домой лошадей, да не к чёрту, а к себе на подворье, а родным сказал, что это задаток от хозяина получил. Чёрт ждёт – пождёт, а Ивана всё нет. Утром пришёл к нему Иван, тот спрашивает, где лошади. А крестьянский сын отвечает:

– Ты чем-то недоволен, хозяин?

Черт на попятную, всем, дескать, доволен, иди, мол, дальше паси.

Иван таким манерам и коз, и овец к себе домой перегнал. Видит нечистый, что разоряет его крестьянский сын, признался в своем недовольстве и отдал мешок серебра.

– Таюшка, это хорошо, что дети под сказку уснули, а всё-таки не годится к ночи этого-то поминать, да и сказка-то какая-то не наша, не русская.

– Это, Вася, странницы заходили передохнуть, квасу испить. Они и сказку рассказали, да ещё и прибавили, что времена-то нынче беспокойные, голодные наступают...

– Я, Таюшка, об этом и хотел поговорить. Боюсь я получку-то домой нести, стукнут обухом по голове, да и душа вон. Я тебе не сказывал: перед Пасхой караулили двое, да их я издали заприметил и переждал в кустах. Раньше мы с Чемпаловым, пока его в другую смену не перевели, ходили. Мо-

жет, Антипа с собой брать? Двое, трое не один. А?

– Да нет, конечно, – подумав, продолжал Василий, – а все на дитя у самого последнего пропойцы рука не поднимется.

– Может, и вправду с ребенком-то помилуют, а то не донесешь денег, помрем с голоду. Только ты Саньку возьми, он тихонько будет в чурочки играть, никому не помешает, а Антип набедокурит чего-нибудь.

– И то верно, сын у нас младший удался: и рослый, и красивый, и в плечах уж шире Антипа, а ведь на три года младше. И умом-то вышел: недавно придумал старой корзиной без дна на Уфалейке пескарей ловить: зайдет на мелководье, ждет, не шелохнувшись, рыбью стайку, увидит – шмяк в воду плетенку и выбирает рыбу голыми руками.

– И на уху принес и кошке.

Вот так и получилось, что Санька пошел в пятницу с отцом на работу. Проходя узенькой тропинкой за спиной Василия, он предавался приятнейшим мечтам: все ребятишки позавидуют, когда узнают, что он на домны ходил. А вдруг кто-нибудь из рабочих резинку для рогатки или даже перочинный ножичек подарит, бывает ведь всякое.

В таких приятных мечтах прошла половина пути, потом Василий взял сына на руки, и Санька стал вовсе самым счастливым человеком на земле.

У завода, вопреки обыкновению, толпились люди, среди них были бабы и ребятишки. Хромой старик сторож охотно

рассказал, что сегодня составляют списки, кому идти на австрияков. Отец, приказав Саньке сидеть возле сторожа, кинулся в проходную. В толпе бабы охали, ахали и гадали, кого забреют в солдаты: лавочников-то поди не тронут, откупятся они.

– Да уж, конечно, беднота в окопы пойдет вшей кормить. Между тем у Василия отлегло от сердца, его как смиренного и хорошего работника да с четырьмя детьми в списки не внесли. Но поработать ему в тот день так и не пришлось: прибежал его приятель, Алексей:

– Васька, Васька, беги скорее, там из пруда твоего Саньку достали.

Не помня себя, Василий кинулся к водоему: на берегу, окруженный народом, сидел Санька и икал.

– Ничего, живой, живой! Ничего, – слышалось со всех сторон. – Его какой-то чернявый парень вытащил, а потом почему-то ходу дал.

– Растерли его, только он ударился обо что-то, когда нырял, вишь, сидит как обалделый.

Дома, окончательно придя в себя, Санька рассказал, зачем он нырял в пруд. Оказывается, когда он стоял возле завода, то слышал от кого-то, что давным-давно во время пожара, купцы, спасая имущество, бросали кольца да брошки в воду, и вот бы их достать, да откупиться от воинской повинности. Санька-то все разговоры принял за чистую монету, да сиганул за драгоценностями, чтобы спасти отца.

– Друг мой сердечный, головушка-то не болит? – Обняла Таисья сына. – Ничего, ничего, поправишься! Завтра в поселок на Волчью гору пойдем к Чертовой, она живо тебя вылечит, а то вон глазки-то какие мутные.

Но Санька вдруг забился и закричал:

– Не пойду, не пойду к Чертовой кусок со спины вырезать, не пойду!

Таисья испугалась и закричала тоже. Но Василий, быстро сообразив, в чем дело, стал успокаивать сына:

– Это фамилия такая, это бабушка-знахарка, костоправка, – и на Таисью:

– Вот сказка-то, когда аукнулась. Не поминай черта.

Глава 4. Печь

Заводская домна топится и днем, и ночью, огонь в ней не угасает никогда.

Полуголые, мокрые, черные от копоти рабочие по несколько раз в сутки открывают заваленное песком устье печи. «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, спаси и сохрани», – шепчет кто-то, прося защиты и милости.

Прокаленная, хрупкая руда вместе с древесным углем превращается в печи в белую расплавленную массу. Сказочными лазоревыми змейками – медянками бежит она из открытого зева по земляному ходу, и в низком кирпичном помещении становится светлее... Адский труд, жара, как в преисподней.

Война 14-го года поубавила число рабочих почти на четверть. Снизилось производство, и заводское начальство стало платить мало: двадцать – шестьдесят копеек в день.

«Не густо! Как семь кормить?» – думал Василий, глядя на остывающий в формах чугун. Любил он наблюдать, как сначала молочная масса краснеет, потом подергивается синью и темнеет. В этом была своего рода поэзия их тяжелой напряженной работы.

Но в этот хмурый, ненастный осенний день не пришлось ему полюбоваться на плоды своего труда... К проходной прибежала старшая дочь Любонька с вестью, что дядя Гриша

с Действительной вернулся, и что уже мама Таисья с Ириной накрывают на стол, и что дядя вот, дает красненькую, – нужно докупить еще водки, да не с белой пробкой, как обычно, а пофасонней – с красной.

Пока Василий договаривался с подменой, пока заходил в лавку, уже наступил вечер и в их большом дворе стоял дым промыслом. За нехитрым столом сидели не только родственники, друзья и соседи, но и незнакомые люди, примазавшиеся к случаю выпить. «Впрочем, так оно и бывает, – подумал Василий, – а только бы не утянули чего-нибудь со двора». Но потом спохватился: «Ох, о чем это я? Брат с войны живым, непокалеченным вернулся, а я о добре думаю».

В это время Григорий заметил младшенького, стоявшего в воротах, но подходить к нему не спешил, смотрел мимо с каким-то отчуждением и неприязнью. Василий же, радуясь и шалея от счастья, только и повторял: «Молебен бы надо благодарственный отслужить, молебен».

– Сядь на место, – грубо оборвал его Григорий. – Что вы о войне знаете? Что? – уже кричал он, разливая водку.

– Так расскажи, – наивно предложила Ирина, невеста Григория.

Но тот, смерив ее тяжёлым взглядом, ушел в сарай, сел на козлы и стал мять и давить что-то в руках. Хрупкий предмет в ладонях лопнул, и с кулака стала каплями стекать кровь. Все присутствующие непонимающе переглянулись, не решаясь подойти к нему. Парни потихоньку потянулись до-

мой. Володька Чемпалов хотел что-то по-соседски сказать, но Григорий сидел с таким злобным выражением на лице, что тот, кашлянув, попятился и пошел прочь. Только Таисья да Ирина, чуть слышно переговариваясь, убирали со стола. Василий, подойдя к жене, тихонько спросил, не говорил ли брательник, отчего он так рано вернулся с Германской, уж не дезертир ли случаем? Таисья отрицательно покачала головой, а у самой нехорошо ёкнуло в груди и спёрло дыхание. Если дезертир, тогда беды не оберешься.

– Иди к нему, – прошептала она Ирине, – может, уже успокоился, ждала – дождалась как-никак?

Но Григорий сидел все в таком же положении и с каким-то обречённо – мрачным выражением на лице.

– Как же так получилось? – гадал про себя он. – Почему ему дали бронь и отозвали назад?

Он до сих пор помнит завистливо – заискивающие голоса солдат:

– Видно, похлопотали за тебя?

– Может, купили бронь – от?!

– Свезло, паря, тебе, свезло.

– Бывает же, смотри, – дуракам везет.

А потом опять накатили те воспоминания, от которых он хотел избавиться и не мог, от которых вскакивал ночами, липкий от пота, с раззявленным в немом крике ртом. Ну как забыть то, что он видел? Как? А память услужливо рисовала одну и ту же картину...

Сизый дым стелется над окопами, и чует он, Гришенька, запах сладкий, медный, нанюхался он его в родном заводе.

– Эй, ребята, неладно дело. Смертным запахом тянет!

Смех рядом:

– Блазнится тебе, Гришака; кажется, деревенская твоя рожа!

Стыдно, совестно Гришке, а все же он говорит:

– Респираторы бы сделать надо, от греха подальше.

Смех кругом.

– Ишь грамотный. Слово какое знает. Учёный.

Не слушают парня. Засомневался и Гришка, а только сделал себе из нательного повязочку, землей вместо угля переложил, из баклажки водичкой смочил да и надел. Ржут кругом, как кони.

– Королевишна заморская, ряху прикрыла. Эй, дамочка, дай я тебя поцелую!

Обиделся Гришка, отошел в кусты боярышника, частые – частые, что сразу за окопом начинались да и уснул вроде.

Григорий попытался отогнать воспоминания, но они настойчиво появлялись перед глазами. Очнулся он тогда, а пошевелиться не может, во рту сухо, губы солёные, язык шершавый, как после глотошной, дышать нечем, голова болит, руки тяжелые, ног вообще не чует, а в окопах лежат они, православные: глаза выпучены, языки синие вывалены, ноги скрючены; его товарищи лежат неживые, совсем мертвые. Нет, застонал рядом с ним кто-то, тяжело так, протяжно,

тонко так, как ребенок грудной от скарлатины. Подполз он, Гришка, видит – ротмистр, здоровенный мужик, слюни пускает, под себя мочится, а вдали говор слышится ненашенский: «Гав-гав, ррав – рав». Подхватил тогда под мышки Гришка тушу мычащую и поволок в лес, кровь, хлынула из носа, да только легче стало. Дотащил ношу свою до оврага да и скатил вниз. Там и нашли их, двух живых из роты, двух...

С болезненным усилием Григорий заставил себя думать о другом, о том, как провожали его на германскую: до станции вез его Василий, по обеим сторонам сидели Иринка и Таисья. О чём он думал тогда? Завидовал брату, что тот остается дома, что Васька уже дважды женат и жена у него вторая добрая, Любку не гнобит, четверых детей родила и только один помер, да и собой ладная, как девка, да и с приданым. Отчего-то подробно он все вспомнил и пересчитал: машинку швейную, два узла белья, сундук с одеждой, козу, клетку кур. Потом он помнит, что думал о своей невесте; если убьют его, кто ее замуж возьмет? Она, конечно, девка видная: высокая, полная, бровястая, да уже перестарок. А он, Григорий, что хорошего в жизни видел? С двенадцати лет при заводе мантулил, с шестнадцати лет избушку строил, а тут накося-выкуси: едет в телеге, брат Серко погоняет; видно, скорее от него избавиться хочет. И очнувшись от дум, позвал Василия:

– Что жалеешь, что я вернулся? Дом хотел заграбастать?

Обычно спокойный, Василий, увидев фигу, поднесенную к самому носу, выкрикнул:

– Иди в свой дом, проспись! Завтра поговорим.

И, несмотря на протесты Григория, что дом-то у него не протоплен, выдворил его за ворота на улицу.

Ирина осталась плакать у них, Таисья, как могла, утешала её; и вскоре они стали выдвигать предложения одно нелепее другого, думая, отчего Гриша не прослужив и года, вернулся.

– На дезертира не похож, с околоточным за руку поздоровался, – вспомнила Ирина.

– Может, откупился, – в свою очередь сказала Таисья.

– Да нет, откуда у него деньги-то, – подал голос Василий.

– А если с убитого что взял? – ужаснулась Ирина.

– Что ты, что ты, девонька, – запричитала Таисья, – помнишь, сама ведь наказы ему давала, чтоб живым вернулся. Он и поклялся, что спать на посту не будет, все терпеть, что выпадет ему и с убитых ничего не трогать.

– А может, отмолила его? Ведь каждый вечер молитвы читала, один только раз и заснула, – подумала вслух Ирина.

– Все может быть. Может, и оградила Царица Небесная.

На том и порешили, что утро вечера мудренее. Завтра будет новый день – что-нибудь да и узнается.

Глава 5. Анна

– Аннушка пришла, Аннушка, – пританцовывая от нетерпения, кричал Сашенька, вбегая в избу.

Таисья тоже очень обрадовалась, ведь так нечасто в последнее время к ней сестрица старшенькая приходила. А теперь, как к господам в горничные поступила, и вовсе редко виделись.

– Садись, Аннушка, садись, – постелила Таисья чистую тряпку на деревянную лавку, – видишь, оделась-то как по-городскому, в платье.

– Это хозяйка мне свое старое подарила, и вот еще ботиночки есть на каблучках, с пуговками, – улыбнулась, но как-то невесело Анна. – Таюшка, ты давай на стол накрывай да Гришу с Ириной позови. Я целую корзину гостинцев принесла да узелок подарков. Проститься по-людски хочется.

– Как это проститься? – в один голос удивились Таисья и Люба, и мука (они замешивали тесто) посыпалась на пол из рук опешившей Любочки.

***

Новость о том, что господа уезжают за границу и надолго, берут с собой сестру Таисьи Анну Козыреву с Базарной

улицы, вмиг облетела всю Шуранку, и гостей в дом Семёновых набилось видимо-невидимо: даже с русской печи свешивались ноги, на сундуках парни умудрились посадить себе девок на колени. Те, время от времени визжали и щипали парней в отместку, внося еще больший переполох. Наконец, околоточный Никифор, расправив темные усы на расплывшемся, но все еще миловидном лице, сказал:

– Бабы, отставить базар! Таисья, наливай! Анна, рассказывай! Все прочие молчать!

– Ай, – вскрикнула молоденькая, очень красивая Верочка и наградила Антипа звонкой затрещиной. Все засмеялись:

– Мужичок с ноготок, а туда же.

Всем стало весело, поднялся гвалт и шум, и долго Василий и Таисья не могли успокоить собравшихся. Тогда на помощь пришла Чемпалиха. Своим громким, почти мужским басом, она взывала:

– Да замолчите вы, пересмешники, чай проводы, а не свадьба.

Все пристыжено утихло, и Анна начала свой рассказ:

– Господа говорят, что в столице бунт начался, они и боются, что власть меняться будет.

– Как в пятом годе? – перебил ее Никифор.

– Хуже. Говорят, царь Николай отрекся от престола.

– Да не может такого быть, – загудела Чемпалиха, – завоюет нас теперь немец.

Многие перестали не только жевать, но и отставили рюм-

ки:

– Как без головы-то жить, без царя-то есть?

– Да так ему, кровопийце, и надо, – слышались чьи-то слова.

– Да тихо вы, тихо, дайте Анне-то сказать. А то у нас газеток-то нету, так ничего и не узнаем.

– Революция в Питере, – пыталась продолжить Анна, но ее перебили:

– Кто вместо царя-то хоть?

– Говорят, Керенский.

– Он хоть князь?

– А кто его знает. Мои-то поедут в какой-то Харбин, а там еще дальше. Говорили куда, да я не запомнила.

– А с домом как? Продают или оставляют пока?

Все продают. Говорят, надолго заваруха.

– Ну а тебе-то зачем ехать с ними? Вот еще принцесса выискалась, – очень недовольно прошептал Никифор (он недавно овдовел и всерьез присматривался к Анне).

А это время весь шум перекрыл горький детский плач:

– Аннушка, не уезжай! Я тебя так люблю, так люблю, что когда ты помрешь, то я в твою могилку копеечку положу!

Все смолкли, пораженные глубиной детского горя, и впервые задумались, а что с ними-то теперь будет, как дальше-то жить и чем обернется эта революция.

***

Таисья погладила Сашу по голове и поманила Анну за собой:

– Пойдем в баню, там все и расскажешь. Топлена она, я стираться думала вечером.

Анна оглядела знакомый предбанник, окошко, закрытое белым полотенцем с вышитым петухом – ее подарок, пучки мяты и зверобоя, веники, заботливо и аккуратно связанные Василием, и села на топчан, уткнувшись в самодельный столик, горько заплакала:

– Запах этот банный, ромашковый всю жизнь буду помнить, а только нельзя мне оставаться.

– С чего это ты, Анна, надумала отца-мать, нас бросить, с чужими людьми неизвестно куда уехать?

И уже ласковее:

– Что тебя гложет, Аннушка? Смотрю: который год невестая ходишь, пасмурная и свах на порог не пускаешь.

И рассказала Анна тайну, от которой несколько лет не просыхает девичья подушка.

– Сватает тебя Вася, робеет, а рядом развеселый чернявый парень стоит, за словом в карман не лезет. Вот с той первой минутки запал мне твой деверь Гришенька в душу. Небось, не помнишь, как я к вам в Шуранский конец чуть ли не каждый день бегала, ты еще ругала меня, что одна через болото хожу.

– Как не помню, помню, – вздохнула Таисья.

– А все лишь для того, чтобы Гришу увидеть, на глаза ему попасться. А после встретила его с Ириной, они обручились только-только тогда. Как мне с ней равняться? Она статная, красивая, брови черные вразлет, а я? Он меня всегда воробышком называл, – всхлипнула Анна. – Недавно идут они вместе, Ирина беременная, так я, горемычная, словно по стеклу голыми ногами прошла.

Посмотрела Таисья на сестру, увидела, сколько боли в ее глазах, поняла, какое чувство испытывает Анна, и сказала:

– Езжай с Богом, если время не лечит, то расстояние всё дымкой, туманом покроет, не так горько будет.

И размашисто перекрестила:

– Господи, спаси и сохрани от всякого зла.

Анна хотела было уже возвращаться в избу, но Таисья окликнула ее:

– Гришке ты помогла вернуться?

– Мой грех и моё счастье. Уговорила хозяйку попросить мужа (он с заводчиком-то в приятелях), чтоб Гришеньке бронь сделали, будто бы очень нужный в заводе человек.

– Ладно, с родителями прости по-хорошему, благословение прими, а я Николе-Угоднику свечу поставлю. Езжай с Богом, – повторила Таисья.

***

... Не пришлось Сашеньке исполнить свое обещание.

Уехала Анна с господами, и больше никогда о ней не слышали.

Глава 6. А шинель-то тятина

В каменном доме прохладно и сумрачно. Окна его глядят на восток, и солнце попадает в них только утром. Вечером закатные лучи освещают его заднюю стену и огород, окрашивая их кроваво-красным цветом.

Дети уселись на лавке возле стола и внимательно слушают мать:

- Утка в море, а хвост на заборе. Что это?
- Ковшик, ковшик, – выкрикнул Антип.
- А это? У ней ничего не болит, а всё стонет.
- Свинья, – опять торопится опередить остальных Антипушка.
- Ну эти легкие, а вот сейчас трудную загадаю:

Летела птица,
Не крылата,
Не перната.
Носик долгий,
Голос тонкий,
Кто ее убьет,
Человечью кровь прольет.

Задумались ребятишки, притихли. Оглядела их мать, и

сердце ее заныло: «Что с ними станется? Заводы-рабочим, оно, конечно, неплохо, да только лучше бы тихо-мирно зарплату получать, жить без войны, без смуты; оно и ладно было бы, когда понятно-то. А сейчас ничего не разберешь. Вот и опять Василия что-то долго нет. То ли собрание? А может, не ровен час встретился лихим людям? Нет, нет, на собрании он, на собрании, – перебила она себя. – Богородице, Дево, радуйся... Николае-Угодниче, спаси и сохрани.

Последние времена, знать, наступают, – продолжала рассуждать Таисья, – люди всякий стыд потеряли! Деверь говорит вчера Саньке: «Сматерися, пострел, я тебе кральку дам». Так со слезами пополам и ел Саня бублик. Эх, ругать есть кому, кормить некому...»

Ее невеселые мысли прервала семилетняя дочь Катя, отчего-то не растущая девчонка:

– Комиссар, мама?! Комиссар человечью кровь прольет, у него нос длинный и голос, как у Любки!

– Бог с тобой, доченька, что ты этакое говоришь? Комар это, комарик! Зы-зы-зы ... Поняла? Иди, спать пора! А я Шурочку укачаю.

Через час пришел с работы Василий.

– Слава Богу, а я думала, не случилось ли чего.

Василий молча передал ей четвертинку настоящего белого хлеба:

– Вот угостили, отдай завтра Катке с молочком.

– А сам-то есть будешь?

– Нет, картошки поел, что с утра заворачивала, да кипятком на собрании поили с сахарином.

– О чем говорили-то?

Василий замаялся, пытаюсь как-то смягчить тяжелые новости, но, наконец, решился:

– Корпус пленных чехов и словаков восстал недавно, в мае. Им разрешили покинуть Россию, дорога – через Сибирь и Дальний Восток. А только выступили они против новой власти, и оружием их кто-то уважил.

– И что много их, Васенька?

– Да немало. Белогвардейцы местные присоединяются, бандиты. А меня слышишь, Тая, мобилизует новая власть.

– Что делает?

– Призывают, значит.

– Куда?

– Окудыкала. Куда-куда? В Первый Уральский железнодорожный батальон, на бронепоезд. И ведь что интересно, для поезда этого сами металл-то и отливали.

– Когда? – только и смогла прошептать Таисья, враз осипшим голосом.

– Завтра. Но я забегу еще: паек обещали выдать, занесу, – притворно бодрым голосом говорит Василий, не замечая, что слезы давно бегут по кирпично-красному лицу, оставляя темные бурые полосы. Так же темно было у него и на душе: «Лапти детям сплел, лето-осень с пуховым носком проходят. А зимой что наденут, ежели не вернусь? Валенки

совсем прохудились». И, приняв решение, начал делать из своих больших детям опорки-чуни. Таисья поняла, что не чает муж домой прийти живым, заплакала, заскулила было, как щенок, но тут же взяла себя в руки: «Васенька, может, в последний их семейный день о детях думает, а ей ли раскисать?»

Где-то на киоте был огрызок химического карандаша, там же нашелся и листочек бумаги. «Живые помощи» где разборчиво, а где и не очень легли на бумагу. Тоненькая трубочка с молитвой уютно поместилась в подкладке пиджака. Зашивая, Таисья прошептала:

– Делай, Вася, что нужно, и будь что будет.

***

Утром 5 июня 1918 года Василий скупно, как-то скомкано попрощался с женой (детей не велел будить) и отправился на предзаводскую площадь, где был сбор красного отряда.

Для Таисьи потянулись скудные, скучные будни, полные неизвестности. Ночи, однако, проходили «веселее». Чемпалиха, давнишняя Таина подруга, всегда все знавшая, посоветовала имеющиеся запасы продуктов закопать в подпол, а то и в огороде. В разные места. А однажды прибежала, взволнованная, вместе со слепым отцом:

– Таюшка, слышала? Белочехи Екатеринбург взяли, на Челябинск идут, наш завод не минуют. Режь поросю, соли –

да в погреб на лед, а сверху досками закрой, землей закидай.

– Да вы с ума спятили! Поросяенок-то еще чуть ли не молочный.

– Дура-девка, делай, что говорят! А то беляки ведь все сожрут. Кур-то бы в клеть да и под баню, а майку давай в лес сведем на пасеку к Михеичу. К нему не доберутся. Мы свою Зорьку сегодня ночью поведем.

– Нет, с коровой я не расстанусь: детей-то чем без молока кормить буду? Да и телушку куда деть?

– Ну как знаешь, а мы уж и картошку сверху осотом да травой сорной закидали, мол, не окучивали – ничего и не выросло.

***

Огород у Семёновых был знатный: Устинья в свое время пожадничала на землю – двадцать пять соток давали беженцам с Волги – все и взяла. «Земля-мать прокормит», – говорила она.

... Как откроешь задние ворота, сразу наткнешься взглядом на ровные длинные ряды картошки (десять соток засаживали, в хороший год по двести ведер крупной в подпол опускали), слева мелочь: кудрявятся морковка и укроп, лук-пырей упрямо тянется кверху, листья свеклы и турнепса соперничают яркостью цвета и мясистостью, здесь же редиска и салат (по три урожая за лето снимали); за баней – две со-

лидные грядки с капустой и тыквой и, вызывавший огромную зависть соседей, – парник, высокий под стеклянными рамами.

Слева «сад»: до колодца растут деревья для души: «золотой дубок» – так в шутку называли яблоньку-дичок за то, что ее плоды даже коза не ела, – но зато цвела она удивительно: одновременно белыми и розовыми цветами; лепестками, бывало, были усыпаны и соседские огороды, за красоту и держали ее, не рубили. Черемуха тоже удивляла размером кистей и резким приятным запахом, а уж черных крупных ягод было столько, что и листьев порой не увидишь. Соседи всегда приходили обирать (кому на пирожки, а кому и от поноса). За колодцем расположились четыре ирги с ягодами-кувшинчиками, их всегда ведрами сушили на пироги.

В конце огорода была полянка, где без всякого порядка, переплелись колючие ветви красного крыжовника, мелкой смородины, лесной запашистой малины. В углу, у забора, рос небольшой тополек, он заменил собой огромный тополь, срубленный соседями Боровыми (те посчитали, что дерево «застит» посадки, затеняет их клубнику). Но тополь Устиньей был посажен не зря: он тянул воду, осушал и соседские огороды, так как у Семеновых надел был на взгорочке, а у них – в низинке. Пожалели Боровые, что тополь срубили: часть их огорода превратилось в болотце.

В большом некрытом дворе располагались «хоромы» – стойки для скота, по размерам они не уступали избе. В са-

мой удобной, теплой, с оконцем и деревянным полом, жила Майка, корова плотная, мясистая. Соседи говаривали: «Не по хозяйке корова. Тая – кожа да кости, а Маечка-то видная, как «царица». Молока давала «царица» немного, зато половина, как постоит, становилась сливками, жирными, желтыми и густыми, как масло. В «апартаментах» похуже хрустели капустными листьями две козы – Катька и Манька, а совсем уж в необустроенной «худой» стайке жил ложеный боров, небольшой поросенок, купленный у цыган как свинка. Под навесом, спрятавшись в сене, дрожали кролики, а по двору важно ходили шесть пестрых приземистых куриц и длинноногий драчливый петух по кличке Грязнов. Имечко он получил за «подлый» нрав: любил подкрасться сзади и щипнуть за икры, а то и пнуть своими желтыми крепкими ногами и острыми шпорами. Но куры были им премного довольны, за то и терпели поганца ...

И вот теперь все хозяйство было порушено, как предсказывала Чемпалиха. Нет, даже гораздо хуже. Молодая картошка, с куриное яйцо и меньше, выкопана, сочная зеленая ботва, кое-где еще с нежными синеватыми цветочками безжалостно втоптана в грязь. Морковь, тонкая как спица, выдернута и брошена здесь же за ненадобностью, вся мелочь перерыта, и только уцелевший кое-где пыльный лук упрямо тянул вверх свои перышки. Парник, с таким трудом и за большие деньги возведенный два года назад, смотрел пустыми глазницами рам, а осколки стекла весело поблёскивали

на солнце. Не тронули только капусту: она была еще совсем крохотной...

«Хоромы» пострадали меньше: шустрый Антип, завидя погромщиков, увел Майку в лес и сидел в неглубоком овражке совсем близко от дороги, гладил Майкин бок и шептал: «Молчи, Маенька, молчи». И слезы ребенка капали на подрагивающий красно-бурый круп коровы. А сверху, на дороге, слышались мычание, блеяние, русская и нерусская речь, крики, крепкая ругань, а иногда выстрелы.

Коза Катька сорвалась с привязи, взлетела на пологую крышу сарая и металась там сама не своя от страха – меткий выстрел бородатого чеха прекратил ее мучения. Кролики были заблаговременно спрятаны на полатах. Боровок просаливался в погребе, переложенный крапивой. Ну а телушка – годоводок, зарезанная и расчлененная, уже варилась, наверное, где-нибудь в солдатских котлах. Куры почти не пострадали, лишь одну затоптали в воровской суете, остальных Грязнов увел куда-то и только, когда все стихло, привел своих «жен» на родное подворье. Среди пестрых несушек красовалась одна, высокая, на ножках, белая курица, неизвестно чья: в их околотке таких не водилось. Но спасаемая живность не слишком радовала Таисью: «Чем кормить скотину? Куда ее прятать, если снова придут? Как дальше жить? Когда это все закончится? Вернется ли Василий? А если он уже неживой?» Отчаяние подкатилось к горлу, сдавило его железными тисками, дышать стало нечем, в груди что-то

нестерпимо зажгло, отдавая болью под обе лопатки, и черная муть потащила ее куда-то вниз. «Дети? Дети! – вспыхнуло в ее потухшем сознании. – Она должна их вытащить из этой темной глубокой реки».

Очнулась она на третий день. Около постели сидели дети и смотрели на неё немигающими глазами: голубыми – Сашенька, серыми – Катенька, темными – Антип и огромными синими – падчерица Любонька, на руках которой таращила глазенки Шурочка, да еще круглыми желтыми, в золотистых крапинках, – рыжая Чемпалиха.

– Очнулась, болезная? – затараторила соседка. – С чего это ты разлеглась? Погрома испугалась? Это еще что? А людей брать будут – совсем помрешь? На-ко попей компотику и бульонцу, оно и полегчает! Рука-то левая шевелится? Да? Добро, добро, встанешь, значит.

***

Таисья проболела до осени. За хозяйством и детьми присматривала подруга, а за больной ухаживала Любочка. Таисья смотрела на нее, и что-то сжимало ей сердце. Нет, это была не боль, а стыд и запоздалое раскаяние. Сколько она недодала этой девчущке! А ведь Любонька такая славная, никогда ничего не просила, не требовала, работала день и ночь: и за скотиной ходила, и как нянька с ее детьми водилась и недосыпала, и на огороде надсажалась. А в ответ? Ну да, Та-

исья никогда не была ее, даже не ругала, но ведь и не хвалила, не приласкала ни разу, одевала в последнюю очередь, да и щи наливала после остальных. И повинуясь какому-то порыву, притянула к себе Любоньку и погладила по русой голове. А та неожиданно навзрыд, горько, нет, не заплакала даже, а завывала: «Мама, мамонька». «Первый раз, впервые назвала меня мамой. А раньше как называла?» – нет, не может вспомнить Таисья...

Она была еще слабой и не вставала. Может быть, это и к лучшему: после погромов начались репрессии среди населения. Расстреливали семьи красноармейцев, большевиков, рабочих и мещан, заподозренных в сочувствии новой власти. А потом и вовсе нашли партийное подполье и расстреляли всех его членов: Палкина, Ермакова, Бабикова, Бахтинова и многих других. Правда, в Шуранке брали меньше, да и тех почему-то отпускали со временем, да и облав и погромов больше не было. Люди терялись в догадках: «Вон у Семеновых Вася на бронепоезде, у Чемпалихи сын – красный командир, молоденькая Верка Сафронова недавно вышла замуж аж за питерского, тоже какого-то командира. У Боровых два сына – в красных... Да если копнуть поглубже, все так или иначе с красными повязаны. Но тишина...» Ответ как всегда принесла быстроногая Чемпалиха, которую переименовали в Весточку. Так и стали их семью называть по-улочному – Вестины. Постучавшись по обыкновению поздно ночью, она пробасила:

– Ой, встала уже, горемычная? Молодец! А я узнала такое, словами не передать, пером не написать, про Никифора, про репрессии.

– Да говори толком, – перебила ее Таисья, – я и слов таких мудрёных не знаю.

Чемпалиха оглядела спящих в одежде детей, узлы, пустой иконостас, рюкзак, мешок с сухарями, бутылку с молоком, дробовик, прислоненный к косяку дверей, и сказала ехидно – облегченно:

– Бежать на Половинку готовитесь, ежели чего?

– Я детей замучить не дам! Пусть ребята с Любкой в лес бегут, а я стрелять стану, задерживать иродов.

– Это прикрывать называется, – самодовольно поправила Чемпалиха, – только побег отставить, не будет такой надобности.

И довольная произведенным эффектом продолжала:

– Никифор, околоточный, то ли списки какие-то подменил, то ли наплел, что мы де все староверы, прежней власти держимся, оружие брать за грех почитаем. Ну да ты знаешь Никифора, недаром его Соловушкиным прозвали, – такого наплел, что все поверили.

– Верно, ли говоришь, Татьяна?

– За что купила, за то и продаю. Ну ладно, Таисьюшка, мне еще в семь дворов эту новость нужно разнести.

Но на следующий день, когда, успокоившись, Таисья со старшими детьми пошла в лес за дровами, в их дом пришла

беда. Вошла она вместе с молоденьким белочехом со смешным именем Коржик.

– Шинель ваша или может знать чей? – спросил он на ломаном русском языке оставшихся домовничать оробевшего Саньку и малолетнюю Катьку да еще двухгодовалую Шурочку, сидевшую в качалке. И уж так понравилась та шинель Сане, что, не задумываясь, сказал:

– Да похоже тятина, – думала выменять ее на хлеб или носить самому на зависть всем ребятишкам.

Улыбка сразу сползла с лица солдата, он что-то крикнул в открытые двери и за ухо потащил Саньку к воротам. И несдобровать бы Семеновым, но уж видно Казанская заступилась за мальчонку: к ним в ворота входил Никифор. Вмиг оценив ситуацию, он грозно крикнул:

– Отпусти сына, полудурок!

И оттолкнув плечом набежавших солдат, спросил:

– Почто в моем дворе озоруете?

– Да вот пацанёнок шинель опознал.

Тогда Никифор взял шинель и хотел ее примерить, но она была явно на 3-4 размера меньше, и он грозно, как в былые времена, заорал:

– Я царю околоточным верой и правдой служил, а вы моему сыну уши обрываете! Да я вас в капусту порублю...

Белочехи растерянно запереглядывались.

– Да я знаю, он и вправду околоточный. Мы с ним у заводчика Губина встречались, – вдруг, улыбаясь, сказал какой-то

офицер, смутно показавшийся Никифору знакомым. – Такого медведя разве забудешь? Идемте дальше.

– Спасибо, ваше высокоблагородие, – вытянулся во фрунт Никифор.

– Пустяки, – махнул рукой офицер.

Как только ворота закрылись, Никифор понес обессиленного Саньку в избу:

– Мать подождет, а то забоитесь.

В этот момент в избу вбежала, с трудом переводя дух, Таисья. Прижав Санечку и Катю к груди, она только и смогла вымолвить:

– Спасибо, Никифор, а то мне Чемпалиха сказала, что Саньку расстреляли за то, что Вася у красных.

– Не бойсь, значит долго жить будет малец, – и, вздохнув, добавил. – От Анны ничего не слышно?

– Ничего, милый, ничего!

Ровно год прошел, как уехала Анна. Я вот подарок принес вам – мятных пряников и кружку глиняную с маками. Сам делал, хотел Анне подарить, да постеснялся. Возьми хоть ты, Таисья, Кате кашу подавать. Кружка-то с крышкой и с ручкой удобной.

– Дай тебе Бог, – поблагодарила Таисья. – Вот с Анной пара была бы славная!

– Видно не судьба!

Глава 7. Никифорова церковь

Уже десять месяцев стояли белочехи в заводе, периодически выгребая остатки съестного. Особенно страдали Шанхай и станционные: эти районы считались большевистскими. Шуранке было полегче. Никифор организовал что-то вроде комитета взаимопомощи. Каждый делился с соседом чем мог. Вот как-то пришел и к Таисье:

– У тебя полотнянка с детишек осталась поди?

И одеяльце я сермяжное, желтое помню... А то Полина родила, а завернуть сосуна почти не во что.

– Какая Полина? Не старого ли Никитича дочь?

– Она самая!

– А разве она замуж выходила?

– Не успела. Алексея-то ее в красные как раз летом забрали.

– А Никитич-то знает, что дедом стал?

– Так Полинка, когда еще на сносях была, все рассказала отцу, призналась.

– А он что, не пришиб девчонку?

– Нет. Только спросил Никитич, по любви или так получилось. Если по любви, то и греха нет. Бог даст – война кончится, тогда и обвенчаются, а пока вдвоем будут крестьянскую косточку воспитывать.

– Ну и ну, – дивилась Таисья, собирая узелок с бельем и разным детским прибором.

Обернувшись, Таисья обомлела: Никифор из огромного рюкзака достал и поставил на стол литровую банку меда, мешок пшена, здоровенный кусок сала, две пригоршни мятных пряников.

– Откуда такое богатство? – удивилась она, мысленно прикидывая, сколько кулешей можно сварить из такого количества продуктов.

– Вы с Любкой спать не ложитесь, я еще пять ведер картошки принесу. А вы уж меня проводите, поплачьте, как по русскому обряду полагается, а то больше некому, – сказал и широкими шагами вышел за дверь.

Весь день мать с дочерью строили предположения, мучились в догадках, что бы эти слова значили.

***

Когда Антип с Никифором перетаскали в подпол всю картошку, околоточный, сунув Антипке горсть карамелек – голышей, сказал:

– Ты, Антипка, иди-ка ночевать сегодня к Митьке Солдатову, вы ведь с ним не разлей вода, а то болтлив ты не в меру, – и выдворил немного удивленного парня на улицу.

Затем на столе появилась бутылка самогона, вареное мясо и картошка, сало, мятные пряники и кулек прозрачных мел-

ких карамелек. Жестом пригласил за стол обеих ошарашенных женщин и начал неторопливо рассказывать:

– Дед мой из башкирцев-кинчаков происходил. Они здесь испокон века жили. По имени одного из них Шурана, может, и назвали этот конец Большого Уфалея. Смелые люди были и дружные. Деда моего прозвали Аёв, медведь значит. И не зря: крепкий, высокий, быстрый, охотник, меткий и удачливый. И не было такой башкирской девушки, которая не мечтала бы войти хозяйкой в его дом. Но полюбилась ему русская – Анастасия. Она однако не смотрела в его сторону. Пошел он тогда к попу креститься в русскую веру. Батюшка посмотрел на него и сказал, что неискренне тот хочет таинство принять, и не стал крестить его. Отказать-то отказал, но главную русскую Книгу дал и наказал читать каждый день. А как читать-то, коли Аёв русского языка не знал. Стал он к мастерице ходить, азбуку вдалбливать. И как только по слогам маленько понимать научился, начал читать Библию.

Чего не поймет (а почитай поначалу ничего не понимал), то у Батюшки спрашивает, а тот все объясняет по-простому, занятно так...

А вот как-то раз повез Аёв в Челябинск шкурки, меха продавать, и пристигла его метель. До того замерз бедный, что и помирать впору: просил метель уняться – шкурки ей кидал, ничего не помогает, метель пуще ярится. Вспомнил тогда Аёв про главную русскую Книгу и давай молиться. И вдруг откуда не возьмись мужичок подходит, зипунишка на

нем старенький, а глядит ласково. Поднял одной рукой сани, вытянул из сугроба, лошадь погладил, успокоил и говорит:

– Хороша лошадка, да и ты, вижу, мужичок, не промах. Довезешь меня до деревни? Отвечает ему Аёв, что заблудился, не знает, в какую сторону ехать. Тогда незнакомец взял вожжи, сел рядом и начал погонять лошадь: «Но-но, милая!» Аёв стал узнавать места и смекнул, что с ним рядом Николай Угодник сидит. Обрадовался и говорит, что, мол, русскую веру принять хочет. Нахмурился мужичок и ответил загадкою: «Где родился, там и пригодился». Аёв не отступает, говорит, что любит русского Бога. Тогда старичок ему и отвечает сурово: «Вольному воля, а на Анастасии не женись. Такое тебе испытание веры будет – одно единственное». Сказал и растаял в голубых снежинках – будто его и не было.

Вскоре после этого окрестился Аёв, имя Николай принял, стал в церковь ходить, бедным помогать, многих от голодной смерти спас – всегда добычей делился. А тут и Анастасия в его сторону поглядывать начала, улыбаться стала. Укрепился Аёв, вспомнил слова суровые и отказал девушке. Раз отказал, два отказал, а потом не выдержал и женился. Родилась у них одна единственная красавица дочь. Тут Анастасия и показала свой нрав: то дошку ей беличью да пят смастери, то платье шёлковое, а то и вовсе жемчуга в уши. А еще что придумала: развесит сухое белье в палисаднике и трясет его, перетряхивает, а на вопросы соседей отвечает, что дух нерусский выветривает. В общем, мужа поедом ела, да и дочь не

жаловала. Видно, завидовала ее красоте, частенько за косу таскала, а то и об пол головой била. Хотела девушка в монастырь уйти, да мать (тогда уже вдовая была) упредила ее – замуж дочку отдала, когда та еще до невестиних годов не выросла. Муж, отец мой, попался ей смиренный, не обижал ее никогда, да не стерпелось – не слюбилось. С детских лет запомнил, как мать все молилась да плакала, и еще песни жалобные пела. Тогда и решил, что жениться нужно только по любви, чем так-то маяться. Запала мне в душу сестра твоя Анна, маленькая, как синичка. Так бы и положил за пазуху, грел всю жизнь. Совсем уже хотел на Базарную идти под матицею сидеть (сватать – примечание автора). Да тут грех случился: на вечёрке вдова Лариса Михеева все супротив меня встает, частушки зазывные поет, все в кругу меня выбирает, платком накрывает да целует. Ещё мы с парнями по маленькой выпили, мне кровь в голову ударила, утащил ее на сеновал. Всего-то одну ночку с ней был, а она уж и брюхатая. Ну что ж делать-то? Пришлось сватов засылать. Под венцом стоял туча тучей. Не любил жену-то ни дня, ни часу, ни минуточки. Да и у нее не отболело сердце по Андрейке-то: все вспоминала, как после свадьбы забрали его на Германскую, а она ни девка, ни вдова, ни мужняя жена. А к Петрову-то и вправду овдовела. Подружки ей твердили, что теперь ее только вдовец с кучей ребятишек возьмет. Вот и захотелось девкам нос утереть. А тут на вечёрке я и подвернулся. Но полюбить-то, оказывается, через силу не в нашей власти. И

она согрешила, и я Бога забыл. Может, оттого потом и не разродилась она, померла.

Вот ведь люди разные, а грешат одинаково. Живут с оглядкой на других, хотят, чтобы и у них не хуже, а лучше было бы, чем у соседей. Гордыню свою никак не могут умерить. Вот вам, девоньки, и первый грех.

– Дяденька Никифор! А какие еще грехи бывают? – перебила его рассуждения Любочка.

– Много грехов-то всяких у людей. Вот говорят: «Друг познается в беде». Неправда это. Друг познается в радости. Посочувствовать, подсказать, поддержать и даже последнюю рубашку с себя снять мы сможем, а вот радоваться чужому счастью не умеем, не научились. Завидуем что ли?! Все из-за зависти-то и случается. Вот по грехам и житье нынешнее тяжкое.

– Да ведь революция за простых людей произошла, – перебила снова Люба Никифора.

– Обе власти безбожные, потому как через братоубийство к счастью не прийти. Зла за зло не воздавай. Хотел я вначале с белыми уйти, да передумал. Сами видите, что они в заводе сделали. Красных тоже ждать не буду, они еще больше бед натворят. И церкви порушат, думаю ...

– Такому уж не бывать, чтоб Божий Дом испоганить, – возразила Таисья.

– То ли еще будет, поживёте – увидите. Какую власть над человеком ни поставь, толку не будет, пока человек свою гре-

ховную природу не исправит, пока Веру в сердце не поселит. Я вот вначале Анну хотел искать, а поразмыслил и понял, что недостойн ее, если своего счастья не дождался. Отсюда все беды мои и приключения. Хорошо, что бобылем остался. Ничего меня здесь не держит. Решил в лес податься, грехи замаливать наследные и свои собственные.

Я уж и балаган в лесу смастерил и припасу всякого в землянке зарыл. Самую Главную книгу взял, а триптих с Казанской Богородицею вам на долгую память оставляю: Казанская пусть от болезней и голода сбережет, Николай – угодник в дороге хранит, Егорий Победоносец на войне охраняет, и Архангел Михаил пусть каждый день на вас поглядывает.

И перекрестившись на икону, пошел было к выходу, но заголосившие Тая и Люба повисли у него на плечах. Никифор засмутился, явно обрадовался и сказал торжественно:

– Пойду в душе своей Никифору церковь строить, – и, перекрестившись еще раз на образа, ушел в ночь.

Таисья еще долго стояла в воротах, смотрела вслед и крепостила темноту.

Часть вторая. Огненный столб. Глава 1. Мусульманин

В свои шестьдесят семь лет Василий выглядел совсем сухоньким старичком: уже и покашливал, и ноги дрожали; руки, хотя не всю силу потеряли, но ночами немели, затекали, отчего он просыпался и качал их, как малое дитя, пока разойдется кровушка по старческим жилам. Коротко стриженные волосы потускнели и виться перестали. Жидкая бороденка жалко топорщилась во все стороны, и только глаза не потеряли глубокой лазури, стали еще выразительнее от въевшейся черной копоти по краешкам век, но слезились постоянно, приходилось вытирать их ситцевой тряпочкой.

Работать в литейном ему совсем тяжело стало, но нужда заставляла. В двадцатом году родили они на Марию – Магдалину кудрявую Машеньку, а в двадцать четвертом – последыша – чернявую красавицу Анастасию. Любушку недавно замуж выдали, Антипа женили – тоже немалые расходы. Ох, не к душе эти две свадьбы Василию: венчания не было, записи в метрические книги и подавно, об обычаях и не вспомнили – в пост в Загс сходили, «расписались». Что это за слово-то такое для брака? А «расписала» их баба в погонах, в штанах – срамота! Невестушку Антип взял некрасивую, да

ладно хоть такая пошла. Столько девок стервец перепортил, что не стерпели парни, хотели распилить пополам. Уже и на козлы положили, доской накрыли, да пожалели. Но на каждый роток не накинешь платок: поползли слухи, и девки стали обегать Антипа, пиленным прозвали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.